

Культурология

УДК 821.161.1

Т.И. Радомская

Радомская Татьяна Игоревна, доктор филологических наук, профессор Института славянской культуры, МГУДТ им. А.Н. Косыгина (Москва, Малый Калужский пер., 2, стр. 4), e-mail: radomtatic@gmail.com

**В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО: СУДЬБЫ ДОМА
И ИХ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВВ.**

В статье раскрывается содержание категории «Дом», характерное для древнерусской традиции, анализируется его художественное постижение в русской литературе XIX-XX веков, вводится в научный оборот имя неизвестного автора Н.А. Солодовникова.

Ключевые слова: Дом, святость, семья, Отечество, служение, Бог, сиротство, уклад.

T.I. Radomskaya

Radomskaya Tatiana Igorevna, Full PhD (philological), professor, Institute of slavonic culture, MGUDT im. A.N. Kosygina (2, Malyj Kaluzhskij Str., building 4, Moscow), e-mail: radomtatic@gmail.com

**SEARCH OF THE LOST: FATE OF HOME AND ITS CREATIVE
EXECUTION IN THE RUSSIAN LITERATURE XIX-XX CENTURIES**

The article deals with concept of Home, that was typical for the ancient Russian literature, the author investigates how this concept was reflected in the literature of the 19-20 cc. In this article the readers also find out the information about the unknown but talented author of the 20th c. Salodovnikov.

Key words: Home, holiness, family, motherland, God, orphanage, culture.

Исторический опыт многовековой российской культуры запечатлел себя в определенной концептосфере. Одной из ее базовых категорий является категория Дома.

В культуре и литературе, в частности, образ Дома несет в себе информацию об определенной модели мира, что в свое время было показано в работах Т.В. Цивьян [6, с. 203]. Для древнерусской жизни была характерна трехчленная модель мира: «земство – царство – святость», при этом сакральность была доминирующей и определяющей государственную и частную жизнь человека [3, с. 439-440]. Именно эти особенности и сформировали понимание Дома не только в русской литературе средних веков, но и литературе нового и новейшего времени.

Действительно, феномен Дома никогда не определялся рамками только частных, семейных отношений. В древнерусской жизни Дом мыслился неразрывно связанным с Отечеством земным, восходящим к Отечеству Небесному, о чем свидетельствуют многочисленные тексты книжной традиции.

Но и через века, в литературе XIX столетия Дом и семья определялись не только границами семьи. История семьи становится самым тесным образом связана с жизнью рода, народа, Царя и Бога. Именно поэтому она (эта частная история) становилась в XIX веке и историей Отечества, что прекрасно было запечатлено Пушкиным. Так, в «Моей родословной», вспоминая историю рода Пушкиных, поэт неизбежно должен обратиться к

истории государства Российского, так как жизнь дворянской семьи оказывается неразрывно связанной с жизнью державы.

Пушкин духовно и исторически точно показал, что понятие Дома для русского национального сознания есть не понятие замкнутого эгоистического существования, а соборного служения человека, семьи – Отечеству земному и Небесному. В полной мере это нашло свое художественное воплощение в «Капитанской дочке», своего рода романе – завещании поэта, написанном им, как известно, незадолго, до смерти. При этом категория Отечества земного определялась, в первую очередь, духовными координатами, сформированными в недрах православной традиции. В одном из первых памятников древнерусской литературы «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион определяет национальную общность, в первую очередь, духовным родством людей, их крещением, положившим начала восыновления и удочерения тех, кто раньше были сиротами, «странными» людьми, не имеющими Дома.

В первой половине XIX века русская литература напряженно рефлексировала, осмысляла то, что было сознательно забыто XVIII веком – отечественную традицию и, в частности, понимание Дома в Троиединстве земной, частной, государственной и духовной жизни.

В своем художественном пространстве Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь создавали именно древнерусскую модель мира как Дома. Они стремились к этому постепенно уходящему из жизни Имперского пространства идеалу древнерусского мира, стремились не только в литературе, но и в своей собственной судьбе.

Примерно с середины XIX столетия в русской культуре, словесности все явственнее начинает звучать не только лейтмотивом, а четко обозначенной темой – тема сиротства. Уже в «Записках сумасшедшего» герой Гоголя Поприщин взывает к родному Дому и теряется и в собственном безумии, и в российском просторе и пространстве.

И человек, как сирота бездомный,

Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.
На самого себя покинут он –
Упразднен ум, и мысль осиротела –
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
[4, с. 113].

Эти строки Тютчева («Святая ночь на небосклон взошла...2) как нельзя точнее выразили то, что предстоит в полной мере пережить человеку XX столетия.

Трагедию потерянных детей из разрушенных семей прекрасно отразил в своих поздних романах «Братья Карамазовы», «Подросток» Достоевский. Он осмыслил это явление не как нечто исключительное, но как общую назревающую опасность российской жизни. История XX века ознаменовалась потерей Дома во всех его проявлениях. В жизни семейной, государственной, духовной человек в полной мере познал свое сиротство.

Может быть, именно поэтому тогда, когда рушились все устои жизни, в литературе с новой силой становится востребован жанр семейных мемуаров, записок.

Так, в эмиграции, оторванная от Дома, Цветаева создает свой «Дом у Старого Пимена» с целью засвидетельствовать и зафиксировать уже ушедшие семьи ушедшей России. Примерно в то же самое время в СССР, вопреки всем складывающимся жестоким обстоятельствам жизни, писались тексты, в которых люди спешили запечатлеть образ того Дома и мира, в которых человек был родным Богу и людям.

Так в конце 1920-х годов философ, историк науки, тогда еще молодой человек В.П. Зубов пишет свою «Семейную хронику» рода Зубовых и Полежаевых. Он писал тогда, когда многие отказывались по разным обстоятельствам жизни от своих предков [1, с. 17].

Приведем еще один удивительный пример. Н.А. Солодонилов, брат ныне известного поэта А.А. Солодовникова, в ссылке в Тюмени, умирающий от туберкулеза, в 1935 году создает рукописную книгу с текстом своей повести «Побег». Из скорбной действительности 1930-х годов автор переносит и себя, и гипотетического читателя в место и время, где живут тепло, любовь. Он живописует этот уже далекий мир, его уклад жизни, особое течение времени, которое через церковный уклад было связано с Вечностью, Богом.

Помимо художественных опытов, свидетельствующих о традиционном российском Доме, в литературе XX века появляется и несколько иное художественное воплощение этой темы. Отсутствие Дома – одна из главных особенностей русской жизни XX века. Она становится одной из определяющих и для развития русской культуры и литературы.

Жизнь России, особенно первой половины XX века, обладала феноменальными духовными ресурсами. Она проистекала «на краю» дома и бездомья, подчас вдали от семьи, своего круга общения, перед лицом Бога. В своей работе «Поэт и время» Цветаева писала: «С этой страной Бог – Россия по сей день граничит. Природная граница... Не только сейчас, после всего совершившегося Россия, что не Россия, всегда была тем светом... Некой угрозой спасения – душ – через гибель тел...» [5, с. 61].

Дом, утрачивая социальные, семейные, земные координаты, все больше и больше приобретает измерения небесные. Опыт такого «домашнего» сознания зафиксирован у очень разных и по своей социальной и культурной принадлежности художников. Так, в одном из своих последних незаконченных стихотворений «Многие мои! О, пьющие...» Цветаева отводит особое место встречи своим земным спутникам – не на земле, а на небе, где уже преодолено разделение тюрем, смертей...

Но удивительно и то, что десятилетия спустя Б. Окуджава ощущает свою земную «прописанность» не только в арбатском дворе. Место его встречи с близкими, как и у Цветаевой, оказывается не на земле, а на небе:

Где встречались мы потом?
Где нам выпала прописка?
Где сходились наши души, воротясь с передовой?
На поверхности ль земли?
Под пятой ли обелиска?
В гастрономе ли арбатском?
В черной туче ль грозовой?

[2, с. 173].

Оказывается, что древнерусское сознание «прописанности» человека в Небесной Книге Жизни, о чем писал еще в XI веке митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати», стало близко и понятно человеку XX века, пережившего по словам Цветаевой, «спасение – душ – через гибель тел».

Так, укорененный в многовековой отечественной традиции, феномен Дома продолжает свое особое существование и в литературе XX века, определяя одну из магистральных линий будущей культуры.

Список используемой литературы:

1. *Зубов В.П.* Избранные труды по истории философии и эстетики. 1917-1930 / сост. М.В. Зубов. М.: Индрик, 2004. 448 с.
2. *Окуджава Б.Ш.* Не верь войне, мальчишка. СПб.: Амфора, 2015. 191 с.
3. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис, 1995. 875 с.
4. *Тютчев Ф.И.* Всемирная библиотека поэзии. Избранное. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 444 с.
5. *Цветаева М.И.* Искусство при свете совести. М.: Искусство, 1991. 200 с.
6. *Цивьян Т.В.* Дом в фольклорной модели мира // Типологические исследования по фольклору. М.: Наука, 1975. с. 191-214.